

С.А. Лиманова

200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ КАК ПОВОРОТНЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

«Правительство Союза ставит одной из первых своих задач обеспечение широкой научной работы в Союзе, широкое распространение научных знаний среди новых миллионов трудящихся, пробужденных к исторической жизни, а также приобщение к научной работе тех десятков национальностей, которые, после долгих лет угнетения, впервые в условиях Советского государства получили возможность широкого культурного и хозяйственного развития» [3, л. 1–1 об.], – провозглашалось в праздничном приветствии Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР в честь 200-летия Российской академии наук.

В первой четверти XX в. академическим научным учреждениям в России пришлось пройти сложный путь трансформаций, вплоть до угрозы исчезновения Академии наук как таковой в пучине революционных потрясений. Однако в конце концов на государственном уровне было закреплено ее главенствующее положение в деле развития научных знаний и их практического применения. Немалую роль в этом сыграл широко отпразднованный в 1925 г. юбилей Академии наук, замысел которого вызревал еще в Российской империи.

Исключительный, всенародный праздник науки

Подготовка торжеств в честь 200-летия Российской академии наук заняла продолжительное время. Сохранившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН материалы Комиссии по празднованию 200-летнего юбилея Академии наук позволяют проследить ее основные этапы. Первый из них – с 1912 г. по 1921 г. – ознаменовался спорадическими обращениями к юбилейной тематике. С 1922 г. по 1924 г. – предварительный этап, когда была разработана концепция торжества и начала работу Комиссия по организации празднования 200-летнего юбилея Российской академии наук. И, наконец, в 1925 г. – основной этап организации и проведения юбилейных торжеств, в ходе которого было принято окончательное решение о формате торжества и что самое главное – поменялись статус и ведомственная принадлежность Академии наук.

Первое упоминание о юбилее, согласно имеющимся документам, относится к 1912 г. и было связано с предложением историка Е.Ф. Шмурло «выпуска Академией в свет, к предстоящему в 1925 году 200-летию ее существования, ряда изданий, которые способствовали

бы облегчению и упрочению дальнейшего изучения эпохи императора Петра Великого» [20, л. 1]. Подробная записка Е.Ф. Шмурло была послана непременно секретарю С.Ф. Ольденбургу 21 февраля (5 марта) 1912 г. Для рассмотрения вопроса о возможности подготовки и выпуска такого рода изданий 28 ноября 1912 г. была создана Комиссия из академиков В.В. Радлова, А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова. Впоследствии появились и другие предложения по юбилейным изданиям. Однако за это время многое изменилось в общественно-политической жизни страны.

Из периода «юбилеемании» начала XX в., благоприятного для проведения торжеств различных уровней [12], Российская империя вошла в период войн и революций. В 1914 г. она вступила в Первую мировую войну, в 1917 г. – произошли две революции, полностью изменившие государственное устройство в России. В декабре 1917 г., когда еще не ясным было положение самой Академии наук, а многие ученые открыто выступили против новой власти [24], С.Ф. Ольденбург на Общем собрании напомнил о предстоящем академическом юбилее. В октябре 1921 г. он же докладывал о желательности возобновить работу Комиссии по 200-летию Академии наук, обновив ее состав. Вероятно, уже тогда руководство Академии в лице президента А.П. Карпинского, вице-президента В.А. Стеклова и постоянного секретаря С.Ф. Ольденбурга предполагало, каким образом можно извлечь пользу из юбилейных торжеств для дальнейшего развития научных знаний в России. Выводы могли быть сделаны в том числе после встречи руководителя Советского государства В.И. Ленина в январе 1921 г. с делегатами научных и учебных заведений Петрограда, на которой присутствовали и В.А. Стеклов, и С.Ф. Ольденбург.

С июня 1922 г. функционировал Особый временный Комитет науки при Совете народных комиссаров (далее – СНК). В его задачи входило «выяснение всех научных и материальных потребностей ученых учреждений и принятие всех необходимых мер к их удовлетворению» [14]. На заседании этого Комитета в конце 1922 г. В.А. Стеклов представил доклад о подготовке к празднованию 200-летия Российской академии наук. В начале 1923 г. данный доклад был зачитан на заседании Комиссии по празднованию 200-летнего юбилея Академии наук [11]. В докладе, прежде всего, намечалась общая концепция юбилейных празднований.

Решено было, что юбилей должен носить «широкий международный характер», для чего необходимо было «оповестить своевременно весь ученый мир»; что «исключительный праздник науки должно признать не только интернациональным в научном смысле, но и всенародным», а, следовательно, важная составляющая – устройство научно-по-

пулярных лекций; далее – «каждую годовщину РАН считать всероссийским праздником с соответствующими публичными собраниями»; «после Петербургских торжеств – переезд представителей Академии и приглашенных гостей в Москву <...> для устройства особых торжественных заседаний <...> при участии московских представителей науки» [19, л. 9–12]. Эти предложения легли в основу разработки «сценария» празднования 200-летнего юбилея в 1925 г. и, как показывают документы, последующих юбилеев – 220-летия Академии наук в 1945 г. и ее 250-летия в 1975 г. В год празднования 275-летия Академии наук (1999) был установлен фиксированный «праздник науки» – 8 февраля, до сих пор отмечающийся как День российской науки.

В том же докладе В.А. Стеклова ставились первостепенные задачи для успешной реализации празднования, такие как выделение необходимого финансирования с приведением конкретных смет, включающих расчет стоимости ремонта зданий Академии наук, оборудование главнейших институтов, музеев, лабораторий, подготовку выставок, выпуск юбилейных изданий и т.д. Подход В.А. Стеклова к организации юбилея был весьма практичным. В его воспоминаниях встречается характерное суждение: «Здесь я воспользовался мыслью о предстоящем 200-летнем юбилее РАН (в 1924 г. или 1925 г., можно праздновать по желанию, исторические даты есть) и в особой записке предложил Комнауке одобрить широкую программу празднования в международном масштабе с приглашением иностранных ученых. Указал как на научное, так и политическое значение такого празднества, предложив его в то же время сделать национальным праздником. Эта мысль встретила сочувствие в Комнауке, и дело двинулось. Под флагом юбилея отчасти и производились вышеупомянутые сверхсметные ассигнования, много способствовавшие устройству академии, а вместе с тем в сознании правящих сфер постепенно поднимался престиж и авторитет академии и ее представителей» [23, с. 297].

Однако с момента обсуждения доклада до воплощения его содержания в жизнь прошло еще несколько лет. Заседания Юбилейной комиссии в 1923 г. оказались немногочисленными. В состав комиссии от Академии наук входили академики А.П. Карпинский, В.А. Стеклов, С.Ф. Ольденбург, от Петроградского губисполкома – Г.В. Циперович (зам. председателя), от Петроградского управления научных учреждений – заведующий управлением М.П. Кристи. Пытаясь более детально проработать вопросы, связанные с получением достаточных средств на подготовку, и обсуждая дела по хозяйственной части, участники заседаний довольно быстро столкнулись с бюрократическими и финансовыми трудностями. В одном из постановлений так и говорилось: «Сделать доклад от Юбилейной комиссии Российской академии наук в Ко-

митете науки о невозможности при таких условиях и таком положении с денежными ассигнованиями праздновать юбилей Академии в 1924 году» [19, л. 30]. Таким образом, на «городском» уровне решить задачи празднования юбилея, изначально намеченного на 1924 г., оказалось проблематично, необходимо было укрепить его «общегосударственное» значение, о чем говорили, писали и к чему стремились руководители Академии.

1924 г. стал годом вынужденной приостановки юбилейного вопроса. В то время как продолжалась переписка между ведомствами и согласовывались текущие расходы Академии наук, случилось два не связанных между собой печальных события, каждое из которых и по отдельности сделало бы невозможным широкое празднование юбилея в 1924 г. В январе – смерть В.И. Ленина и сопутствующие этому многочисленные траурные мероприятия; в сентябре – страшное наводнение в Петербурге (Петрограде), уже переименованном в Ленинград, которое привело к порче большинства академических зданий. Напрямую эти причины переноса юбилейных торжеств не назывались, хотя они были очевидны современникам. Впоследствии директор Архива АН СССР Б.В. Левшин упоминал об этом в исторической справке о праздновании юбилеев Академии наук: «Документальных сведений о переносе торжественного празднования 200-летия Академии наук с 1924 года на 1925 год в Архиве АН СССР не обнаружено. Известно, что большое наводнение 23 сентября 1924 г. нанесло академическим учреждениям значительный ущерб, что отразилось на подготовительных работах к юбилею Академии наук» [5, л. 11]. Но уже в следующем 1925 г. все кардинально изменилось.

Юбилейный, поворотный 1925-й год

25 февраля 1925 г. вышло постановление СНК «О юбилее Академии наук». Оно содержало три пункта:

«а) Признать желательным приезд ученых из-за границы по случаю двухсотлетнего юбилея Академии наук.

б) Поручить СНК СССР ассигновать необходимые на организацию празднества средства.

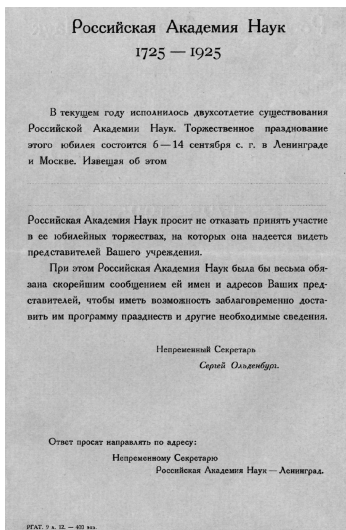
в) Не возражать против участия т. Рыкова в организации юбилея» [1, с. 35].

Следовательно, к этому моменту был решен один из ключевых вопросов – о финансировании празднества. Представители советской власти увидели в юбилее хорошую возможность установления международных связей, что способствовало бы выходу из дипломатической изоляции, в которой советское правительство оказалось после революции 1917 г.

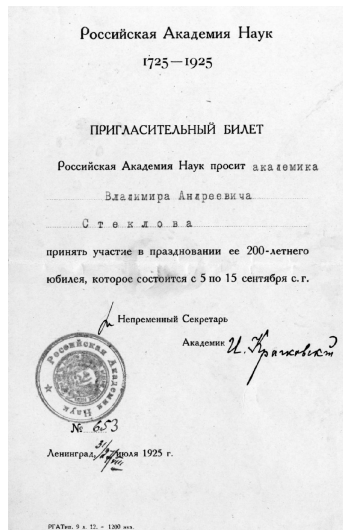
В записке-обосновании от 24 февраля 1925 г. председатель СНК А.И. Рыков так и писал: «В текущем году осенью исполняется 200-летие Российской академии наук. Академия наук готовится к празднованию этого юбилея и просит разрешения Правительства пригласить на это празднование значительное количество ученых разных стран <...> Я считаю, что следует придать празднованию импозантный характер. В список приглашенных мы сможем включить ряд ученых из колониальных стран и доминионов. Можно надлежащим образом организовать прием ученых и проявить к ним особое внимание не хуже, а лучше, чем это делается за границей. Есть, что им показать <...> На торжествах можно устроить ряд наших выступлений. За границей к этим торжествам будут относиться с исключительным интересом, и иностранная пресса вынуждена будет печатать подробные отчеты об этих торжествах» [1, с. 36]. При этом А.И. Рыков отмечал, что «план празднования будет утверждаться нами», т.е. СНК, а «речи и выступления наших академиков будут с нами согласованы»: «При таких условиях, я думаю, мы можем с большой для себя выгодой использовать этот случай» [1, с. 36; 17].

«Государственная» и «международная» идея юбилея исходила от Академии наук. В записке А.И. Рыков упомянул: «Академики Ольденбург, Стеклов и Ферсман обратились ко мне с просьбой о назначении специальной Правительственной комиссии, под моим председательством, для придания этому празднованию государственного характера» [1, с. 36]. В фонде Юбилейной комиссии сохранился еще один документ, послуживший, как можно предполагать, основой для принятия положительного решения по юбилейному вопросу, – подробная записка В.А. Стеклова и С.Ф. Ольденбурга от 18 февраля 1925 г. первому управляющему делами СНК Н.П. Горбунову о предстоящем 200-летнем юбилее Академии наук.

В этой записке наука была представлена как «исторически движущая революционная сила» (К. Маркс, Ф. Энгельс), а юбилей Академии наук – как важное общественное и политическое событие. С одной стороны, «умело организованный праздник науки необходимо вольет новую струю жизни в самосознание масс», с другой – «особенное значение этот юбилей будет иметь в международной политике» [21, л. 9–9 об.]. На данном аспекте делался особый упор: «Иностранные ученые на месте наглядно убедятся, что все рассказы о гибели культурных ценностей, о водворении варварства в Союзе ССР являются не имеющими почвы измышлениями, что Правительство СССР действительно следует заветам В.И. Ульянова-Ленина, научилось ценить науку» [21, л. 9 об.]. При таком подходе «будет вырван один из сильнейших козырей против советской России, на которых играют консервативные капиталистические круги Запада, противодействующие сбли-



Бланк приглашения на торжества в честь 200-летия Российской академии наук за подписью неперменного секретаря РАН С.Ф. Ольденбурга. 1925 г. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 33. Л. 1 об.



Пригласительный билет на имя вице-президента РАН академика В.А. Стеклова. 1925 г. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 33. Л. 66.

жению между народами и, в особенности, с Союзом ССР» [21, л. 9 об.]. Там же приводились примеры успешного сохранения международных научных связей и говорилось об опыте посещения главами государств научных конгрессов, съездов и т.д. Отмечалось, что ученые из Франции, Италии и других стран активно интересуются возможным участием в 200-летнем юбилее Академии наук, значимость и авторитет которой признавались во всем мире: «Использовать такое благожелательное отношение заграничных ученых кругов крайне желательно в связи с предстоящим юбилеем Академии наук, как для пользы научного дела, так и по соображениям государственной предусмотрительности» [21, л. 11 об.].

С 25 апреля 1925 г. начала регулярно заседать Подготовительная комиссия при Президиуме РАН по проведению юбилейных торжеств, позднее переименованная в Юбилейный комитет при Президиуме РАН. Ее председателем стал академик А.П. Карпинский, а наиболее активными участниками – академики В.А. Стеклов, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман и И.Ю. Крачковский. В рамках заседаний рассматривался очень широкий спектр тем: обустройство академических помеще-

ПРОГРАММА

ПРАЗДНОВАНИЯ ДВУХСОУЛЕТИЯ АКАДЕМИИ НАУК
1725—1925

ЛЕНИНГРАД

СУББОТА, 5 СЕНТЯБРЯ

8 ч. вечера.— Прием в залах Академии Наук.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 СЕНТЯБРЯ

1 ч. — Торжественное заседание Академии Наук в Большом зале Филармонии.

8 ч. вечера.— Банкет для делегатов, даваемый Академией Наук.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 СЕНТЯБРЯ

С 10 ч. утра.— Осмотр научных учреждений Академии Наук.

8 ч. вечера.— Торжественный спектакль в Государственном Академическом Театре Оперы и Балета.

ВТОРНИК, 8 СЕНТЯБРЯ

Экскурсии в окрестности Ленинграда: осмотр Пулковской Обсерватории, Павловского Дворца, Павловской Обсерватории, Дворцов Детского Села и Петергофа. Осмотр научных учреждений и памятников Ленинграда.

СРЕДА, 9 СЕНТЯБРЯ

11 ч. утра.— Открытие и осмотр Библиотеки Академии и академических выставок.

1 ч. — Прием Ленинградским Советом делегатов, прибывших на торжество.

8 ч. вечера.— Торжественный спектакль в Государственном Академическом Театре Оперы и Балета.

ЧЕТВЕРГ, 10 СЕНТЯБРЯ

10 ч. утра.— Осмотр научных учреждений, музеев и памятников Ленинграда.

6 ч. вечера.— Банкет, устраиваемый Ленинградским Советом.

Отъезд в Москву.

МОСКВА

ПЯТНИЦА, 11 СЕНТЯБРЯ

Прибытие делегатов в Москву.

7 ч. вечера.— Торжественное заседание в честь Академии Наук в Большом зале Консерватории.

СУББОТА, 12 СЕНТЯБРЯ

С 10 ч. утра.— Осмотр памятников и музеев Кремля.

2 ч. дня.— Завтрак в Кремле.

4 ч. дня.— Приветственная Речь Народного Комиссара по Просвещению РСФСР А. В. Луначарского в Актовом зале Первого Московского Университета.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 СЕНТЯБРЯ

Осмотр ученых учреждений и музеев Москвы, ближайших загородных музеев и дома отдыха ученых.

4 ч. дня.— Возвращение в Москву.

Вечером.— Концерт в Большом Театре.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 СЕНТЯБРЯ

Последний день празднования.

Осмотр ученых учреждений в Москве и ближайших загородных музеев.

6 ч. вечера.— Возвращение в Москву.

Вечером.— Банкет, устраиваемый Правительством и Московским Советом.

1 сентября 1925 г.

РГАПФ. 9. 11. — 270 об.

Программа празднования 200-летия Академии наук
в Ленинграде и Москве. 1 сентября 1925 г.
СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 33. Л. 81 об.—82.

ний; разработка программы празднования [13]; приглашение ученых, их встреча и размещение; издание справочной юбилейной литературы и мн. др. В мае месяце по разным направлениям подготовки были созданы специальные юбилейные подкомиссии.

8 мая 1925 г. приступила к работе Комиссия по организации празднования 200-летнего юбилея Академии наук при СНК под председательством А.И. Рыкова. В ее задачи входила координация всей подготовки, утверждение юбилейных мероприятий, согласование участников, вопросы дополнительного финансирования.

Летом 1925 г. были приняты судьбоносные для Академии наук решения, сказавшиеся на ее дальнейшей деятельности. 8 июля вышло постановление СНК «О переименовании Академии наук во Всесоюзную»: «Ввиду того, что Академия наук обслуживала до сего времени только Великороссию, и для того, чтобы сделать ее орудием поднятия науки и культуры всех, особенно отсталых наций, признать необходимым преобразование ее во Всесоюзную, обеспечив в ней сотрудничество всех национальных республик» [1, с. 37–38]. Этим же постановлением была организована Комиссия по разработке нового устава Академии наук. 27-м июля датируется постановление ЦИК и СНК СССР о признании Российской Академии наук высшим научным учреждением Союза ССР и ее переименовании в «Академию наук Союза Советских

Социалистических Республик» [6, с. 323]. Таким образом были изменены ее статус. Академия наук превращалась в главный центр науки и «кузницу кадров» Советского Союза.

Юбилейные торжества состоялись 5–10 сентября в Ленинграде и 11–14 сентября в Москве. Их программа включала торжественный прием в историческом здании Академии наук, банкет в Мраморном зале Русского музея, торжественные заседания, посещение научных учреждений и памятников культуры, торжественные спектакли. Все это – на фоне многочисленных юбилейных речей представителей советского правительства, научного мира и зарубежных гостей. 200-летний юбилей Академии наук очень широко освещался в прессе, включая программу торжеств, интервью с участниками, историю Академии наук и т.д. «Дни юбилея Академии, – писал академик С.Ф. Ольденбург, – подготовка к которым задолго уже заинтересовала широкую прессу, обратили общее внимание на научную работу, на ученые учреждения и на ученых. В самых глухих уголках интересовались этим исключительным двухвековым юбилеем <...> Чтобы убедиться в справедливости этого, достаточно ознакомиться с газетами Ленинграда, Москвы и всей страны, что в них чувствуется совершенно новая нота отношения к науке» [6, с. 338].

В заметке о юбилейных торжествах, составленной микробиологом, естествоиспытателем Б.Л. Исаченко, были верно подмечены главные моменты празднества и его общий посыл: «С 6-го по 15-е сентября этого года, сначала в Ленинграде, а затем в Москве происходили большие торжества по случаю исполнившегося 200-летия Российской академии наук, ныне переименованной во Всесоюзную академию (Академия наук СССР). Празднество это, прекрасно организованное, приняло весьма внушительные размеры и должно быть отмечено как событие большого общественного значения, обратившее на себя всеобщее внимание. Празднику науки был придан особо торжественный характер, и ясно было оттенено великое культурное значение научных завоеваний в жизни страны. Юбилей высшего и старейшего научного учреждения, призванного Петром Великим “науки производить и совершать” и с честью выполнявшего это свое назначение в течение 200 лет, привлекло на юбилейные торжества множество гостей и делегатов из разных



Меню обеда по случаю празднования 200-летия Академии наук СССР.

1925 г.

СПбФ АРАН. Ф. 12.

Оп. 1. Д. 33. Л. 103.



1725–1925. Академия наук СССР. 200 лет. Юбилейная открытка.

Лицевая и оборотная сторона. 1925 г.

СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 4. Д. 8. Л. 1–1 об.

стран, начиная с наших ближайших западных соседей и кончая делегатами Индии, Китая и Японии <...> После годов отчуждения и блокады, когда связь с научными центрами Европы была надолго порвана, вновь собрались под гостеприимным кровом Академии наук представители различных стран, вновь зазвучали воодушевленные слова единения и солидарности в научной работе» [4, л. 1–2]. Успешное проведение юбилейных торжеств позволило придать международным отношениям новый импульс.

Обновленная, практичная Академия наук

Для самой Академии наук юбилейный год был отмечен как положительными сдвигами в международном сотрудничестве, так и серьезными внутриакадемическими преобразованиями. Причем то, о чем говорилось накануне и в связи с юбилейными мероприятиями, в дальнейшем получило документальное оформление.

Участие иностранных ученых в юбилее было важным и представительным (более 100 участников, кроме того, были получены многочисленные приветствия от научных учреждений, поздравительные письма и телеграммы), хотя и не столь масштабным, как планировалось (было разослано более 300 приглашений учреждениям и более 300 персональных приглашений) [2, с. 126–152; 7; 18], и неоднозначно воспринятым заграничной прессой [2, с. 141–142; 9, с. 35; 22, л. 1–2, 4–8]. Однако сам факт приезда такого количества ученых со всех концов земного шара, интересующихся советской наукой, был признан советским правительством как однозначный успех. Помимо многочисленных речей о международном сотрудничестве, после завершения юбилейных торжеств было решено: «1) Поручить Академии наук вести переговоры по поводу предложений, сделанных иностранными делегациями ученых о связи научной работы, ведущейся в СССР, с научной работой за границей, с тем чтобы окончательные результаты переговоров подлежали утверждению Совнаркома. 2) Поручить Совнаркому назначить комиссию для связи и наблюдения за работой Академии наук» [1, с. 41]. Международные научные связи получили с этого момента статус государственного приоритета [2, с. 152–154; 17, с. 67–68].

На волне юбилейных торжеств деятельность Академии наук расширилась и продолжала набирать обороты. Решение вопроса о праздновании юбилея во многом определило дальнейшую судьбу самой Академии. Ведь с 1918 г. неоднократно обсуждалась необходимость ее реорганизации. Одни – в частности, заместитель наркома просвещения, председатель Социалистической академии общественных наук (позднее известной как Коммунистическая академия) М.Н. Покровский – предлагали преобразовать Академию в «ассоциацию наук», другие – беспартийно заявляли о «немедленном упразднении». Академики А.П. Карпинский, В.А. Стеклов, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман и другие ученые неоднократно обращались к А.В. Луначарскому, возглавлявшему Народный комиссариат просвещения, в ведении которого находилась Академия наук, по поводу ее бедственного положения. От попыток коренной «ломки» Академии в личных беседах предостерегал соратников В.И. Ленин [10, с. 86–88].

Разговоры о предстоящем юбилее Академии наук будто позволили взглянуть на нее иными глазами. Благодаря стараниям академиков (встречи с представителями власти, разъяснительные записки, постоянное обращение к первоочередным задачам) советские руководители осознали не только теоретическое значение науки, но и возможности ее практического применения, в том числе для народного хозяйства. Результатом этого стало начало укрепления материальной базы Академии. С 1924 г. увеличились выделяемые правительством ассигнования;

были предоставлены дополнительные помещения для размещения научных учреждений; создавались новые институты и лаборатории; усовершенствовались изучение естественных производительных сил страны, росло количество экспедиций; к 1925 г. число действительных членов Академии достигло 42; всего в Академии, включая технический персонал, на тот момент работало 1055 чел. [8, с. 87]. Возрастающая роль Академии отразилась и на процессе подготовки к юбилею: большое количество одновременно работающих юбилейных комиссий и подкомиссий, постоянное включение в процесс новых действующих лиц в историографии связывается с борьбой за влияние на саму Академию [9; 16; 18, с. 359–366]. Решающим аккордом стало то самое признание Академии наук высшим всесоюзным ученым учреждением СССР [15], перешедшим в непосредственное ведение СНК.

В докладе о научно-культурных итогах юбилея неперенный секретарь С.Ф. Ольденбург еще раз подчеркнул значение Академии наук для страны и ее особый статус: «Юбилей Академии наук явился не только праздничным днем старейшего ученого учреждения нашей страны, но и днем подведения итогов научной работы у нас <...> Создается тип совершенно своеобразной научной организации, подобной которой, по справедливому замечанию одного из иностранных юбилейных гостей, не существует нигде. Около тридцати научных учреждений, библиотек, музеев и лабораторий – из них некоторые мирового значения – объединены Конференцией Академии, состоящей из крупнейших ученых самых разных специальностей и являющейся объединяюще-руководящим центром, при большой научной самостоятельности отдельных учреждений. Члены этой Конференции, академики, одновременно состоят руководителями, директорами, членами и т.д. целого ряда ученых учреждений Союза, укрепляя таким образом связь Академии со всей ученой работой Союза» [6, с. 336–337].

К началу юбилейных торжеств не был разработан новый устав Академии наук, но к этому вопросу вернулись сразу после их завершения. Срок подготовки проекта был обозначен – к 1 декабря 1925 г. В январе 1926 г. комиссия СНК рассмотрела и предложила доработать предложенный вариант. 18 июня 1927 г. был утвержден первый советский устав Академии наук СССР. Первостепенные задачи Академии были обозначены в следующих пунктах: «а) развивать и совершенствовать научные дисциплины, входящие в круг ее ведения, обогащая их новыми открытиями и методами исследования; б) изучать естественные производительные силы страны и содействовать их использованию; в) приспособлять научные теории и результаты научных опытов и наблюдений к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР» [25, с. 120]. В уставе

были прописаны структура Академии, ее состав, направления деятельности, принцип устройства научной работы и другие пункты, включая особые права [25, с. 121–129]. С одной стороны, у Академии наук появились перспективы более разносторонней деятельности, привлечения новых научных кадров, укрепления прежних и развития новых международных связей, ей было предоставлено регулярное финансирование, с другой – она становилась все более подконтрольной правительству, теряя остатки былой автономии, и должна была все активнее обеспечивать насущные потребности развивающегося Советского государства.

С начала XX в. Академия наук в России неоднократно испытала на себе как позитивное, так и негативное общественно-политическое влияние: от запроса на популяризацию науки до фактического забвения, от разговоров о «ненужных пережитках» до возрождения интереса к научным знаниям. Сквозь призму подготовки к 200-летию Академии наук отчетливо видно, какие стороны ее деятельности являлись неизменно притягательными для государства и общества и с чем в конечном счете связана реактуализация ее значимости для новой советской власти. Юбилей словно «высветил» потенциал Академии наук, привлек к ней внимание, позволил выстроить перспективные направления исследований, сделать ее флагманом развития новой государственной системы, вернуться благодаря научным связям на международный уровень вопреки «прерванной преемственности». Вместе с тем и спрос с советской Академии возрос неимоверно, причудливо преломля изначальный принцип естественного развития наук.

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / 1922–1952. М., 2000.
2. Александров Д.А., Дмитриев А.Н., Копелевич Ю.Х., Ланге Б., Лукина Т.А., Патралов А.В., Рихтер И. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб., 2001.
3. АРАН. Ф. 582. Оп. 3. Д. 37.
4. АРАН. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9.
5. АРАН. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 1.
6. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин. Сост. В.А. Тряскина. Л., 1986.
7. Иоффе А.Е. Зарубежные ученые на праздновании 200-летия Академии наук // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 200–203.
8. Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. Изд. 3-е, доп. М.; Л., 1964.
9. Колчинский Э.И., Кольцов А.В. 200-летний юбилей РАН и политика // Науковедение. 2001. № 1. С. 22–39.
10. Кольцов А.В. Выступления ученых в защиту Академии наук. 1917–1929 гг. // На переломе. Советская биология в 20-х–30-х годах. Вып. 1. СПб., 1997. С. 86–93.

11. *Лиманова С.А.* Заседания Комиссии по празднованию 200-летнего юбилея Академии наук в 1923 г.: концепция торжества и основные задачи // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLIII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Академия наук и научные центры союзных республик (К 100-летию образования СССР)» (24–28 октября 2022 года). Вып. XXXVIII. СПб., 2022. С. 65–66.
12. *Лиманова С.А.* «По преданию, Петр I лично руководил действиями осады...»: Документы РГИА о подготовке празднований 200-летия взятия городов Выборга, Риги, Ревеля. 1910 г. // Исторический архив. 2022. № 6. С. 9–25.
13. *Лиманова С.А.* Разработка программы празднования 200-летнего юбилея Академии наук СССР // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: Сб. статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых. Министерство науки и высшего образования РФ, Институт российской истории РАН, Совет молодых ученых ИРИ РАН. М., 2022. С. 297–307.
14. *Макеева В.Н.* Комитет науки при Совнарком в 1922–1924 гг. // Вестник АН СССР. 1966. № 5. С. 110–114.
15. *Соболев В.С.* Признание Российской Академии наук высшим всесоюзным ученым учреждением // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLIII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Академия наук и научные центры союзных республик (К 100-летию образования СССР)» (24–28 октября 2022 года). Вып. XXXVIII. СПб., 2022. С. 49–56.
16. *Сорокина М.Ю.* Двухсотлетний юбилей Академии наук // Нестор. 2005. № 9. Вып. 3. С. 206–235.
17. *Сорокина М.Ю.* «Придать... импозантный характер». К истории 200-летнего юбилея Российской академии наук // Природа. 1999. № 12. С. 59–72.
18. *Сорокина М.Ю.* Ученые и политика: постверсальская Европа и международное научное сотрудничество (проект «200-летний юбилей Российской Академии наук» (1925 г.)) // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. С. 354–381.
19. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1.
20. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 25.
21. СПбФ АРАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 28.
22. СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 13.
23. *Стеклов В.А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Научное наследство. Т. 17. Л., 1991.
24. *Тункина И.В.* Академия наук в 1917 году // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 5. С. 410–415.
25. Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М., 1974.

S.A. Limanova

THE BICENTENARY JUBILEE AS A TURNING POINT IN THE HISTORY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article reviews the main stages of the preparations for celebrating the Russian Academy of Sciences' bicentenary. The more than a decade period that preceded the celebration saw radical changes both in Russia's sociopolitical life and in the fate of the Academy itself. The first ideas of conveying the festivities emerged in the Russian Empire in the context of the jubilee mania of the early 20th century. The year 1917 then changed the direction of national development, which had a profound impact on the Academy of Sciences' situation. The jubilee, however, had not been forgotten; moreover, the then current leadership of the Academy in the person of president A.P. Karpinskii, vice president V.A. Steklov, and permanent secretary S.F. Oldenburg, drawing upon the «issue of the jubilee», managed to direct the new regime's attention to the desperate situation in which the Academy found itself and to successfully advocate its revival. The analysis of the documents from the fonds of the Commission for the Bicentenary Celebration of the Academy of Sciences allows a more detailed analysis of the arguments for strengthening the Academy's position, of the organisation of the festivities, and of how the jubilee became a «nationwide» celebration of science. It is concluded that the national-level celebration of the jubilee in 1925 resulted in the Soviet Power to reconsidering its attitude towards the Russian Academy of Sciences renamed the USSR Academy of Sciences. This had the far-reaching consequences in the form of intra-academic reorganisation (changed departmental hierarchy, adoption of the new Academy's Charter, etc.) and gave a new impetus to international scientific contacts.